

В конце концов, он все равно спас ей жизнь, и он также был старшим братом Чжэньжуна. После такой ситуации жизни и смерти ее ненависть, казалось, временно ослабла, оставив только меланхолию. Чжэньжун ушел в такой спешке. Даже если бы он был смертельно болен, она могла бы сопровождать его некоторое время, но судьба была скупа на такую возможность. Теперь судьба давала ей шанс в качестве компенсации.

По просьбе Лэй Ютао она каждый день оставалась в больнице. На самом деле, было не так много вещей, которые она могла бы сделать. В больнице были профессиональные медсестры. Какая бы работа там ни была, она никогда не попадет ей в руки. Ее единственная польза, казалось, заключалась в том, чтобы спокойно сидеть там, позволяя Лэй Юйчжэну увидеть ее с первого взгляда, когда он просыпался ото сна или от боли.

Большую часть времени она молчала. Лэй Юйчжэн тоже ничего не говорил. Воздух в комнате казался чрезвычайно тихим. Медсестра разрешила для нее грушу. Она взяла его в руку и медленно откусила кусочек. Через несколько минут она откусывала еще кусочек. Она ела молча.

В это время он хотел заговорить, но из-за раны сильно вспотел от боли. Она отложила грушу в сторону и помогла медсестре. Она выжала горячее полотенце, чтобы вытереть ему лицо. В такой ненормальной автомобильной аварии, хотя он и восстановил свою жизнь, он сильно похудел. Даже его надбровные дуги были видны. Ее рука бессмысленно остановилась на кончике его брови, и только когда его рука пошевелилась, к ней вернулась ясность. Увидев, что он смотрит на половинку груши на кофейном столике, она спросила, - "Ты хочешь?"

Теперь он мог есть только жидкую пищу. Услышав "мм" из его горла, она вымыла руки, очистила две груши, превратила их в сок и скормила ему. Но он только сделал глоток и остановился. Она могла лишь поставить чашку на место и спросить, - "Что ты хочешь съесть сегодня вечером?"

Переключаясь туда-сюда, там была только каша с лекарствами, каша из тигровой кости, каша из нарезанного дикого женьшеня, каша из медвежьей печени, голубиная каша... Ее затошнило, когда она почувствовала их запах. Неудивительно, что у него не было аппетита. Было сказано, что это рецепт, выданный уважаемой китайской медицинской семьей, и продукты также были получены специально. Она слышала, что они были довольно дорогими и очень хорошими для восстановления. Их готовили, а затем доставляли каждый день. Но они были просто неприятны. Она смотрела, как он ест кашу, как будто принимал лекарство.

Она не знала, было ли это из-за того, что его раны все еще болели. Через некоторое время даже его тон был усталым, и, наконец, он произнес два слова, - "Ты пригостишь."

В редких случаях она краснела, - "Ты знаешь... Я не умею готовить."

Его лоб снова покрылся холодным потом от боли. Его речь была очень медленной, каждое слово выскакивало одно за другим, - "Белая каша. Вода, рис, вареный и липкий."

Ладно, тогда это будет белая каша. Ду Сяосу пошла в ближайший супермаркет, чтобы купить пакет риса, и приготовила кастрюлю каши на кухне в палате. Потому что это был природный газ, и она боялась, что кипящая каша перельется через край, поэтому осталась на кухне. Когда каша была приготовлена, Лэй Юйчжэн уже снова спал.

Она отставила миску с кашей в сторону и села на диван. Было уже глубоко в сумерках. Шторы были задернуты, свет не был включен, и свет в комнате был тусклым. Его лицо тоже выглядело расплывчатым и туманным. После того, как он снял кислородную маску, его цвет лица стал очень уродливым, и он похудел еще больше, из-за чего она почти не могла его узнать. К счастью, после медленного выздоровления в последние несколько дней на его лице появился легкий оттенок крови.

По словам старого профессора из экспертной группы, - "Он молод и имеет хорошее здоровье. Он может с этим справиться. Через некоторое время он будет в порядке."

В ту ночь Лэй Юйчжэн не ел белую кашу, потому что больше не просыпался. Она боялась, что каша будет холодной и ее будет неудобно разогревать, поэтому она разделила кашу с медсестрой и доела ее. Когда он проснулся и услышал, что каша закончилась, в его глазах появилось очень разочарованное выражение. Ду Сяосу не смогла удержаться от смешка. Он был похож на ребенка, услышавшего, что все конфеты исчезли. После того, как они так долго знали друг друга, это был, наверное, первый раз, когда она так смеялась перед ним. Он нашел ее улыбку странной. После долгого молчания он спросил, - "Что такого смешного?"

"Ты такой большой, но все же боишься принимать лекарства."

"Дело не в этом", - его голос был приглушенным. Повязка с его головы не была снята, а волосы были выбриты из-за операции. Даже черты его лица были тонкими и резкими. Теперь, когда он поджал губы, он был похож на маленького монаха, который совершил грех, произнося ненавистные слова. На самом деле ему было уже 30 лет. После того, как она всегда видела его свирепый взгляд, она почувствовала, что в это время, когда он оправлялся от серьезной травмы, он казался ребенком, который только и знает, что злиться на взрослых.

Когда принесли ужин, она увидела, что это была каша из дикого женьшеня. Она радостно поставила перед ним миску с кашей, - "Это каша из женьшеня." Каша из медвежьей желчи была самой невкусной. В прошлый раз она использовала всевозможные уловки, чтобы уговорить его, но он съел только небольшую часть содержимого миски после очень долгого времени. Каша из женьшеня считалась неплохой. Но он едва смог доест. Однако каша из женьшеня имела очень странный запах, который был намного сильнее, чем у супа из женьшеня. Говорили, что это был настоящий женьшень, найденный в дикой природе. Видя, как он ест кашу, как глотает лекарство, хмурясь, когда он откусывал маленькие кусочки, она снова почувствовала жалость к нему, - "Еще осталось немного риса. Завтра я приготовлю тебе еще немного белой каши. Ты можешь съесть его тайком."

Вероятно, потому, что слово "тайно" огорчило его, он холодно сказал, - "Не нужно."

Он уже был так ранен, но его характер все еще был такой упрямый. Первоначально Ду Сяосу чувствовала, что он сильно изменился после ранения, и что с ним было легче ладить. Но, услышав эти холодные слова, она поняла, что он совсем не изменился. Он был все тем же Лэй Юйчжэном, снисходительным и высокомерным.

Лэй Юйчжэн прожил там всего больше месяца. Когда он снова смог ходить по земле, он настоял на том, чтобы покинуть больницу. Команда экспертов ничего не могла сделать, чтобы остановить его. Даже Ду Сяосу не могла, поэтому она могла позвонить только Лэй Ютао. Ответ Лэй Ютао был легким и ясным, - "Все в порядке, даже если ты заботаешься о нем дома. Позаботься о нем как следует."

Одним предложением он снова переложил на нее ответственность за него. В смущении Ду Сяосу напрягла лицо. В конце концов, она общалась с ним каждый день больше месяца и видела беспомощным и слабым, как новорожденного ребенка, начиная с того, что он мог спать, есть и, наконец, ходить... В конце концов, эта автомобильная авария произошла только из-за нее.

В любом случае, его вилла была достаточно большой. Он нанял медсестер, чтобы они работали посменно каждый день, живя в комнате для гостей на втором этаже виллы. Ду Сяосу жила в комнате напротив медсестер. На этот раз у нее было больше повседневных дел, чем когда они были в больнице. Поскольку Лэй Юйчжэн тоже отдыхал дома, каждый раз, когда экономке было чем заняться, он спрашивал ее: Как следует заниматься садоводством? Вы хотите заменить газон? Будут ли изменены гаражные ворота? Вентилятор в бассейне внизу шумит. Следует ли нам обратиться к производителю за техническим обслуживанием на месте или его следует заменить новым брендом?

Поначалу Ду Сяосу вообще не интересовали эти вещи, - "Попросите господина Лэя."

"Помогите попросить, госпожа Ду. Мистер Лэй заснул. Когда он проснется позже, мне нужно будет снова присутствовать на другой встрече."

Постепенно Ду Сяосу поняла, что это всего лишь предлог. Причина заключалась в том, что у Лэй Юйчжэна сейчас был очень плохой характер. Если бы дворецкий спросил его, он бы определенно разозлился. Ду Сяосу все больше и больше чувствовала, что после автомобильной аварии этот человек стал ребенком, капризным, упрямым, и его очень трудно было сделать счастливым. Но, видя, как он иногда обильно потеет от боли, она не могла не почувствовать мягкости в своем сердце. Он был явно на два года старше Шао Чжэньжуна. Но теперь Чжэньжуна больше не было здесь, и ему было так больно из-за нее... Думая об этом, она продолжала чувствовать себя виноватой.

Рана зажила хорошо, но именно из-за внутричерепного кровоизлияния у него остались головные боли. У врача не было другого выбора, кроме как прописать анальгетики. На самом деле он был очень терпим и почти не прикасался к обезболивающим. Только в это время Ду Сяосу почувствовала, что его кости остались прежними. Это была та боль, которую обычные люди с трудом могли вынести, но у него хватало сил и упорства терпеть без применения анальгетиков.

Однажды, посреди ночи, вероятно, потому, что ему было слишком больно, он проснулся и хотел открыть дверь. На самом деле у кровати был звонок, на который он мог нажать, но не сделал этого. И все же в результате, поскольку рядом не было никого, кто мог бы открыть дверь, он упал на пол. К счастью, она спала неглубоко и слышала шум. Она выбежала, потому что волновалась. Ему было так больно, что на лбу снова выступили капельки пота, но он не позволил ей позвать медсестру. Она могла только помочь дойти ему обратно к кровати, шаг за шагом. Это было короткое путешествие, но заняло почти десять минут. Оба они вымокли от пота. Он свернулся там, как креветка от боли. Он лежал, изображая слабое дыхание, слабый, как раненый зверь. Она намочила горячее полотенце, чтобы вытереть его пот, но он вдруг схватил ее за руку и обнял ее за плечи. Он был таким худым, что у него выступали лопатки. Она вдруг почувствовала себя очень расстроенной и медленно крепче обняла его. Его голова была уткнута ей в грудь. Его тело, казалось, все еще корчило от боли. Его горячее дыхание мало-помалу обдавало ее шею. Словно уговаривая ребенка, она медленно похлопала его по спине. Наконец он успокоился и медленно заснул.

Ду Сяосу боялась, что у него снова заболит голова, поэтому она хотела подождать, пока он заснет немного глубже, прежде чем отпустить. В результате она заснула просто так. Когда она проснулась на следующий день, то была потрясена. К счастью, он еще не проснулся. До того, как уснуть, это она обняла его, но в конце концов сейчас он обнимал ее. Ее шея покоилась на его руке, а другая его рука все еще обнимала ее за талию. Вся ее фигура свернулась калачиком в его объятиях. Когда она проснулась, ее чуть не прошиб холодный пот от страха. Воспользовавшись тем, что он еще не проснулся, она на цыпочках вернулась в свою комнату. К счастью, он этого не заметил и не упомянул об этом даже после пробуждения. Скорее всего, он не знал, что она проспала в комнате всю ночь.

Лэй Юйчжэну становилось лучше день ото дня. Это был первый раз, когда Ду Сяосу поняла, что есть так много вещей, которые нужно делать, сопровождая пациента. Он также был придирчив ко всему, начиная с еды и питья и заканчивая одеждой, брендами и текстурами. Даже если что-то одно было не так, его начинала раздражать все. Секретарь Шан иногда приходил сюда, выбирая важные официальные дела, чтобы отчитаться перед ним, или подписать важные документы. Увидев Ду Сяосу, он вежливо здоровался с ней, казалось бы, несколько не удивившись, что она здесь.

Когда она познакомилась с ним поближе, они действительно показались ей родственниками. Иногда она была ошеломлена, потому что после того, как Лэй Юйчжэн похудел, он больше походил на Чжэньжуна. Иногда она боялась, что даже назовет не то имя, хотя в большинстве случаев она звала его по имени и просто говорила "привет" или, когда злилась, называла его "мистер Лэй", потому что он действительно часто злил людей.

Например, однажды, принимая ванну, он потерял сознание. Лэй Юйчжэн не позволял другим входить в ванную, поэтому каждый раз, когда он принимал ванну, снаружи всегда кто-то ждал его, чтобы избежать еще одного несчастного случая. Это поручение по какой-то причине свалилось на нее, и каждую ночь она ходила в хозяйскую спальню, прислушиваясь к шуму воды, ожидая, когда он вылезет из ванны. Ей даже нужно было помогать ему укладывать волосы. Он всегда был недоволен тем, какой неуклюжей она была. Он действительно находил недостатки из ниоткуда. На самом деле его волосы так отросли, так что, как бы она ни делала ему прическу, они все равно казались короткими и прилизанными, как прическа маленького мальчика. Ду Сяосу всегда чувствовала, что это похоже на таро. Она сказала, что таро было

именно таким, но, когда она называла его таро, он сердился и холодно смотрел на нее.

Воспитание ребенка, вероятно, было похоже на это, но как мог существовать такой непослушный и беспокойный ребенок? Однажды Ду Сяосу так разозлилась, что на следующий день улизнула и купила банку детской присыпки. В ту ночь, когда он вышел из душа и сел на мягкий диван, она сделала вид, что берет фен, но тайком достала присыпку и быстро нанесла ему на шею. Он заметил это, быстро повернул голову и схватил руку, державшую баночку. Она все еще улыбалась, - "Будь послушным, тетя наносит немного присыпки."

Эта фраза, казалось, раззадорила его, как измотанного кота. Она забыла, что он был вовсе не котом, а львом. Он разозлился и попытался выхватить у нее баночку. Но она отказывалась сдаваться. Эти двое пытались выхватить друг у друга банку, шатаясь взад и вперед, пока, никто не знает, как это случилось, он не обнял ее. Она была потрясена. В тот момент, когда их губы соприкоснулись, она почувствовала обжигающее дыхание. Это был их первый раз, когда они были трезвы. Это было так ясно, что они могли слышать дыхание друг друга.

"Нет..." - ей почти хотелось слабо оттолкнуть его. Его глаза занимали почти все ее поле зрения, как и глаза Чжэньжуна. Он не дал ей больше шанса заговорить, словно испытывая какое-то искушение, он поцеловал ее медленно и терпеливо. Она ударила его по спине, но побоялась задеть его раны. Он все еще ласково целовал ее, но его руки пытались расстегнуть ее пуговицы. Как только она воспротивилась ему, он поцеловал ее сильнее и нежно укусил, заставив вздрогнуть. Его навыки были очень хороши, и она не смогла устоять. Она боролась на грани морали и самодисциплины, - "Лэй Юйчжэн! Отпусти меня! Отпусти!" Он крепче обнял ее. Ужасное чувство, которое она испытала той ночью, снова поразило ее. Она стиснула зубы и сильно ударила его, - "Я ненавижу тебя! Не заставляй меня снова ненавидеть тебя!"

Он был похож на пьяницу, с налитыми кровью глазами. Он почти прошипел сквозь зубы, - "Я знаю, что ты меня ненавидишь. Я также ненавижу себя. Я ненавижу то, что люблю тебя вот так!"

Наконец он произнес это, последнюю фразу, которую ему не следовало произносить. Ее рука замерла, а затем она ударила его сильнее, но не смогла остановить. Он много говорил, в основном расплывчатыми и обрывочными фразами. Сначала, поскольку она плакала, он пробормотал что-то, чтобы успокоить ее. Она плакала еще сильнее, слыша каждую его фразу, повторяя слова, которые говорила ему раньше. Она не думала, что он вспомнит - и с такой ясностью - в первый раз, когда они что, что она сказала и что она сделала. Это было похоже на копию фильма, каждый кадр которого хранился в самой глубокой части ее сознания. Если бы он не вынул наружу все это, она бы никогда не узнала.